

ДМИТРИЙ КОБЫЛКИН: «СЛОЖНО ФОРМИРУЕМЫЙ БАЛАНС ЭКОЛОГИИ И ИНДУСТРИИ НЕОБХОДИМО СОБЛЮДАТЬ»

О деятельности и инициативах Комитета Государственной Думы ФС РФ по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды «Нефтегазовая Вертикаль» поговорила с председателем Комитета Дмитрием Кобылкиным.

НГВ: *Вы сейчас возглавляете в Государственной Думе Комитет по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды, а потому находитесь на переднем крае борьбы за переход на низкоуглеродную траекторию развития российской экономики. Ваш комитет – ответственный и за закон о выбросах парниковых газов, и за разработанный в его развитие законопроект о Сахалинском эксперименте. Очевидно, что закон актуальный, поскольку в европейских странах активно внедряют программы по трансграничному регулированию. Но поставленная законом цель – достижение углеродной нейтральности к 2025 г. – выглядит очень амбициозно, учитывая, что Россия намерена достичь углеродной нейтральности к 2060, а ЕС – к 2050. Как такое возможно, ведь Сахалин находится не в колбе под крышкой?*

Д. Кобылкин: Сегодня задача государства – создать систему координат для перехода российской экономики на низкоуглеродную траекторию. Прежде всего, отмечу, что у России уже сейчас достаточно хорошие результаты. Наша страна – безусловный лидер по снижению выбросов относительно уровня 1990 года. Мы сократили за это время выбросы на 50% с учетом сектора «землепользование и лесное хозяйство». Так что довести эту цифру до 100% к 60-му году в плавном режиме мне кажется реальной задачей.

Что касается Сахалина, то тут совпало много факторов, способных фактически вдвое сократить временной период, чтобы достигнуть углеродной нейтральности. Это и желание региона, и готовность компаний, наличие природного ресурса для поглощения эмиссии, относительная независимость экономики. Стартовые условия Сахалина хороши для достижения углеродной нейтральности к 2025-му году и гибкой трансформации экономики без ущерба для социально-экономического развития. По итогам эксперимента должны быть отработаны методики формирования системы верификации, учета выбросов и поглощения парниковых газов. Необходимо внедрить технологии, направленные на сокращение выбросов парниковых газов и увеличение их поглощения; создать систему обращения углеродных единиц и единиц выполнения квоты.

В Сахалинской области уже проводится инвентаризация выбросов и поглощений парниковых газов, будет внедрено квотирование выбросов региональных регулируемых организаций. До конца года на уровне региона должна быть принята программа проведения эксперимента с конкретными целями и мероприятиями.

НГВ: *Как вы оцениваете перспективу распространения подхода, предложенного в законе, на общероссийский уровень, прежде всего, в части квотирования выбросов и платы за них?*

Д. Кобылкин: В законе указана возможность участия в эксперименте и других субъектов, но прежде чем расширять эксперимент необходимо просчитать его послед-

ствия для экономики. Наша задача сейчас на примере Сахалинской области отработать механизм, который позволит создать в России собственную систему обращения углеродных единиц и квотирования выбросов, которая соответствует международным нормам. Прежде чем распространять этот механизм на всю страну, он должен быть отработан на практике.

НГВ: *Не приведет ли такое амбициозное целеполагание к неправильному отношению со стороны, прежде всего, международных партнеров как к своего рода потемкинской деревне, будут ли всерьез восприняты цифры?*

Д. Кобылкин: Наша страна – участник всех международных процессов по данному вопросу. Российская Федерация разрабатывает, ежегодно обновляет, публикует и представляет в секретариат РКИК ООН национальный кадастр антропогенных выбросов и данные о поглотителях парниковых газов. У нас есть национальная система оценки антропогенных выбросов, которую ведет Росгидромет. Иными словами, мы не вдруг стали этим заниматься. У нас есть история, определенная база данных и есть понимание на международном уровне проводимой нами работы, которая верифицирована. Следующий шаг – опираясь на наш опыт, получаемые данные в ходе эксперимента, доказать, что механизм, который мы создаем по квотированию и обращению углеродных единиц, соответствует международным стандартам. И этим, безусловно, нужно продолжать серьезно заниматься.

НГВ: *Одна из задач обоих законов – создать рынок углеродных единиц, то есть условия, при которых эти углеродные единицы признаются международными организациями. Какими именно международными организациями?*

Д. Кобылкин: Рамочная конвенция об изменении климата была разработана и принята на конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 году. Сегодня это одна из основных площадок взаимодействия по данному вопросу. Кроме того, каждая страна разрабатывает национальные программы по регулированию выбросов. Учитывая, что многие компании продают товары на внешние рынки, их беспокоит, как будут взаимодействовать национальные программы и системы обращения углеродных единиц между собой, чтобы избежать двойного налогообложения.

В настоящее время существуют различные типы рынков углеродных единиц: добровольные, отраслевые (например, рынок углеродных единиц, формируемый Системой компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации), национальные, а также глобальный рынок углеродных единиц, формируемый в настоящее время в рамках Парижского соглашения. Не только Россия, но и другие страны ведут подобную работу. Конечно, важно синхронизировать эти действия.

НГВ: Мы, главным образом, говорим о единицах добровольного снижения выбросов. Но ведь такие единицы не пойдут, например, в зачет СВAM, который может создать серьезные проблемы российским экспортерам. Как, на ваш взгляд, нужно решать эту проблему? Как вы относитесь к идее введения углеродного сбора в России?

Д. Кобылкин: Действительно, при взимании трансграничного углеродного сбора не планируется учитывать зачет единиц добровольного снижения выбросов. Представляется, что решить данную проблему нам помогут единицы выполнения квоты, выпускаемые в рамках эксперимента, так как квота имеет обязательный характер.

Что касается введения углеродного сбора, то здесь сложно формируемый баланс экологии и индустрии необходимо соблюдать. Мы должны стремиться достичь устойчивого развития экономики, но без существенных потерь для нее. В рамках проводимого эксперимента на территории Сахалинской области мы как раз планируем отработать такой механизм.

НГВ: Энергопереход и декарбонизация экономики очевидно ведут к развитию нового направления недропользования – закачки в пласт и подземного хранения CO₂. Ва-

ше мнение, насколько это перспективно и полезно с точки зрения недропользования и, собственно, экологии?

Д. Кобылкин: На площадке МФТИ создан экспертный совет по климату и декарбонизации, в состав которого входят ученые, специалисты и организаторы производства. Совет будет координировать разработку технологий для российской промышленности. Я являюсь его сопредседателем. На одном из заседаний мы как раз рассматривали оптимальные сценарии снижения выбросов за счет полезного использования CO₂ для повышения нефтеотдачи, а также вопросы подземного хранения.

Сейчас над проектом работают специалисты, потому что важно понять экономику процесса и его влияния на окружающую среду. Недропользователям необходимо будет обеспечить контроль за перетоками и герметичностью подземных сооружений, за возможным изменением агрегатного состояния углекислого газа в зависимости от изменений температуры и давления, а также его воздействия на породы. Думаю, что в следующем году можно будет уже говорить о результатах.

НГВ: Арктика – близкая вам тема. Сегодня все чаще звучит тезис о том, что в связи с энергопереходом нужна

скорейшая монетизация запасов углеводородов, в том числе и арктических. Правильно ли это, на ваш взгляд, и как совместить это с защитой хрупкой арктической экосистемы?

Д. Кобылкин: Охрана окружающей среды в Арктике определена как основной национальный интерес нашей страны в этом регионе в соответствии с утвержденными Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Сегодня не стоит задача освоения территории любым путем. Промышленная политика предприятий носит взвешенный характер. После аварии в Красноярском крае в 2020 году, когда в водоемы и почву попали огромное количество нефтепродуктов, все окончательно поняли цену экологической безответственности.

Сегодня технологии, которые используют в российской Арктике, – одни из лучших в мире. За последние 10 лет мы значительно продвинулись в вопросе бережной добычи арктических ресурсов нашей страны.

Кроме того, одновременно в северных регионах реализуются программы по очистке северных территорий от накопленного ущерба, формируется система мониторинга, сохранения биоразнообразия, создаются новые особо охраняемые природные территории.

НГВ: Недропользование само по себе – большая нагрузка на среду. Какие нормативные решения, на ваш взгляд, нужны сейчас для снижения этой нагрузки? Например, в части предупреждения разливов нефти и нефтепродуктов. Что из этого уже есть в работе комитета?

Д. Кобылкин: Я бы не стал выделять какие-то конкретные отрасли и сравнивать их по объему нагрузки. Деятельность человека – уже нагрузка на природу. В последнее время приняты несколько заметных изменений в законодательство, которые повышают ответственность недропользователей. В 2020 году принят 207-ФЗ, который распространил на сухопутные территории меры по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов в морских акваториях. Документ предусматривает обязанность компаний закладывать в проект финансовое обеспечение мероприятий по предупреждению и ликвидации нефтеразливов на суше с указанием конкретных механизмов такого обеспечения, а также обязует компании возмещать государственные расходы по ликвидации нефтеразливов.

В конце прошлого года принят закон, призванный навести порядок в сфере опасных производственных объектов I и II классов опасности. Нормы закона распространены и на владельцев предприятий угольной про-

мышленности – в части создания ликвидационных фондов в случае закрытия объектов, не соответствующих нормам безопасности.

В комитете идет обсуждение вопросов об обращении с отходами недропользования. Надеюсь, что до конца года у нас получится поставить точку в этом вопросе.

НГВ: Недавно был принят закон о выводе из эксплуатации опасных объектов, который предусматривает для собственников таких объектов обязательства по разработке и реализации плана по предупреждению и ликвидации загрязнения окружающей среды с необходимостью его финансового обеспечения. Распространяется ли он на нефтегазовый комплекс, во сколько обойдется недропользователям?

Д. Кобылкин: Так называемый «Усольский закон» распространяется на объекты I и II классов опасности, в том числе опасные производственные объектов бурения и добычи нефти, газа и газового конденсата. Подробно классификация приведена в законе «О промышленной безопасности». Называть какие-то конкретные цифры сейчас неправильно, потому что все зависит от объекта, планов по его ликвидации, сроков работ. Это серьезная процедура в соответствии с требованиями

законодательства и технологическими решениями. Но совершенно точно, это не должно ложиться на плечи государства и граждан. Так, например, на ликвидацию «Усольехимпрома» планируется потратить свыше 1 млрд рублей. И налоги не должны идти на эти цели, в стране много и других, в том числе социальных, вопросов, требующих решения.

НГВ: Есть ли сегодня какие-то нормы недропользования, которые вы считаете избыточными и которые можно было бы снять или упростить? У самих недропользователей таких норм, как правило, целый список.

Д. Кобылкин: Любой недропользователь вам расскажет о зарегулированности и чрезмерности требований со стороны государства. Это нормально с точки зрения компаний, которые пытаются сократить издержки и сроки работ. У государства другая задача – соблюсти баланс интересов. Конечно, есть вопросы, которые сдерживают развитие минерально-сырьевой базы. Мы это понимаем и находимся в постоянном диалоге с предприятиями, профильными ведомствами.

Сейчас ведется работа над рядом приоритетных законопроектов, направленных на повышение инвестиционной привлекательности недропользования, обес-

печение воспроизводства минерально-сырьевой базы, рационального использования и охраны недр.

Другая проблема – слабый приток частных инвестиций в геологическое изучение недр, особенно на ранних стадиях. Инвесторов останавливает отсутствие эффективных экономических стимулов и чрезмерно длительный процесс получения разрешительной документации на геологическое изучение недр – от 180 до 300 дней.

Еще один сдерживающий фактор – недостаточная доступность геологической информации. Материалы исследований, проведенных до 2000 года, хранятся в основном на бумажных носителях и требуют перевода в электронный вид.

Наш Комитет видит безусловным приоритетом своей работы скорейшее принятие законодательных инициатив, направленных на решение существующих отраслевых проблем.

НГВ: *Еще одна тема, важная для отрасли и находящаяся в фокусе внимания комитета, – геологоразведка. В октябре 2021 Правительство утвердило разработанный Минприроды план «Геология: возрождение легенды». План весьма амбициозный и касающийся той части разведки, которая относится именно к полномочиям государства. Речь идет о 150% воспроизводства запасов к 2030 году, при том, что сегодня показатели весьма скромные. Причинами эксперты-регуляторы называют недостаток инвестиций и несовершенство законодательства. Как устранить эти причины?*

Д. Кобылкин: Комитет готов рассмотреть на своей площадке план, разработанный Минприроды. Прежде всего необходимо понимать цели, к которым мы идем. Важно также синхронизировать добывающие, промышленные и инфраструктурные проекты. Это позволяет сократить расходы и сроки работ.

Если говорить о геологоразведке в целом, важно, что, несмотря на все сложности, нам удастся сохранить определенный уровень добычи. Например, сырьевая база и добыча газа в России позволяет удовлетворить как внутренний, так и экспортный спрос. И есть резервы. А вот прирост запасов, например, по алмазам в последние годы не компенсирует их погашение. Соответственно здесь необходима дополнительная работа. Минприроды России, совместно с Роснедрами, разработали проект программы геологического изучения арктической зоны с объемом частных инвестиций порядка 40-50 млрд рублей в год, в целях формирования перспективного грузопотока Северного морского пути (СМП) на период до 2035 года. Российская Арктика обладает мощной ресурсной базой. На ее территории сосредоточено до четверти российских запасов нефти и 70% природного газа. Кроме углеводородов, в Арктике сосредоточены запасы твердых полезных ископаемых. Государственным балансом запасов

учитывается более 980 месторождений твердых полезных ископаемых и более 280 объектов с апробированными прогнозными ресурсами.

Сегодня важно актуализировать прогнозы добычи по всем видам ресурсов. В первую очередь, меди, золота, платиновых металлов и алмазов.

На привлечение инвестиций будут работать и законодательные изменения. Так, компании позитивно отреагировали на расширение заявительного принципа для месторождений твердых полезных ископаемых категории Р1 и Р2, который мы ввели в 2019 году. Уверен даст результаты уточнение критериев функционирования юниорных компаний. В мире до 40% затрат на геологоразведку приходится на долю юниорных компаний. Такие компании привлекают рисковый капитал, в том числе используя биржевые площадки. Подобный бизнес играет важную роль в развитии сырьевой базы. Эффект будет и от повышения гарантии возвратности инвестиций ГРП при открытии месторождений, налоговых льгот и иных финансовых моделей стимулирования. На площадке комитета мы совместно с профильным министерством, Роснедрами начали работу по поиску вариантов стимулирования развития минерально-сырьевой базы. Совместными усилиями, надеюсь, у нас получится улучшить ситуацию.

НГВ: *На мероприятии комитета было анонсирование внесения неких инициатив по этой теме в первом квартале текущего года. О каких инициативах идет речь? Когда они будут внесены, рассмотрены?*

Д. Кобылкин: Действительно, в рекомендациях «круглого стола», проведенного Комитетом 9 декабря 2021 года, было закреплено поручение Правительству Российской Федерации обеспечить скорейшее внесение в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации законопроектов, направленных на развитие механизмов геологического изучения недр.

Прежде всего, речь идет о внесении изменений в Земельный кодекс и федеральный закон «О недрах» в части совершенствования правового механизма предоставления земельных участков, необходимых для проведения работ, связанных с использованием недр. Также проводимая законодательная работа призвана закрепить порядок организации учета прогнозных ресурсов полезных ископаемых и усовершенствовать механизм разделения, выделения или объединения участков недр. По имеющейся информации, проекты проходят необходимые согласительные процедуры перед внесением в Государственную Думу.

Подчеркну, что наш Комитет видит безусловным приоритетом своей работы скорейшее принятие указанных законодательных инициатив после их внесения на рассмотрение Государственной Думы. 📌